

Научная статья

УДК 347.4

DOI 10.17150/1819-0928.2025.26(3).464-475

EDN GNECXB

О характере действия, составляющего объект гражданско-правового обязательства

Сергей Константинович Соломин

Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия

sksolomin@mail.ru, [https:// orcid.org/0000-0002-5825-1609](https://orcid.org/0000-0002-5825-1609)

АННОТАЦИЯ

С точки зрения отношений экономического базиса, динамику любого обязательства следует воспринимать исключительно через призму перераспределения материальных благ между участниками гражданского оборота, что с позиции норм позитивного права предполагает наличие активного действия должника, направленного на то или иное материальное благо. Однако это основополагающее положение нередко подвергается сомнению со стороны отечественных правоведов, предпринимающих попытки рассматривать объект обязательства либо через необъятный формат поведения под условным названием «воздержание от действия», либо через далеко не ясный формат действий неимущественного характера, а равно действий, направленных на удовлетворение неимущественного интереса. При этом их аргументация, как правило, сводится к отсылке на некие традиции, сложившиеся в отечественной цивилистике. Автором статьи дается оценка развитию учения об обязательстве с учетом состояния норм законодательства, действующего в период, когда формировался тот или иной подход к определению тех действий, которые могут составлять объект обязательства. В итоге сделан вывод о том, что большинство таких подходов к определению существа объекта обязательства на современном этапе развития цивилистической доктрины являются непригодными. В статье последовательно доказывается, что обязательство может восприниматься лишь через призму долга, который всегда связан с действием, направленным на те или иные материальные блага (имущество, работы, услуги), в результате совершения которого удовлетворяется имущественный интерес кредитора. Автором предлагается оригинальное решение наиболее ключевых проблем, связанных с уяснением существа объекта обязательства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

объект обязательства, негативное обязательство, воздержание от действия, имущественный интерес, неимущественный интерес, материальное благо

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Соломин С.К. О характере действия, составляющего объект гражданско-правового обязательства / С.К. Соломин. — DOI 10.17150/1819-0928.2025.26(3).464-475. — EDN GNECXB // Академический юридический журнал. — 2025. — Т. 26, № 3. — С. 464–475.

Original article

On the nature of the action constituting the object of a civil law obligation

Sergey K. Solomin

Tyumen State University, Tyumen, Russia

sksolomin@mail.ru, [https:// orcid.org/0000-0002-5825-1609](https://orcid.org/0000-0002-5825-1609)

ABSTRACT

From the point of view of relations of the economic basis, the dynamics of any obligation should be perceived exclusively through the prism of redistribution of material goods between participants in civil turnover, which from the standpoint of the norms of positive law presupposes the presence of an active action of the debtor aimed at one or another material benefit. However, this fundamental provision is often questioned by domestic legal scholars who attempt to consider the object of the obligation either through an immense format of behavior under the conventional name of «refraining from action», or through a far from clear format of non-property actions, as well as actions aimed at satisfying a non-property interest. At the same time, their argumentation, as a rule, comes down to a reference to certain traditions that have developed in domestic civil law. The author of this article assesses the development of the doctrine of obligation taking into account the state of the norms of legislation in force during the period when this or that approach to determining those

© Соломин С.К., 2025

actions that may constitute the object of the obligation was being formed. As a result, a conclusion is made that most of such approaches to determining the essence of the object of the obligation at the current stage of development of the civil law doctrine are unsuitable. The article consistently proves that an obligation can be perceived only through the prism of debt, which is always associated with an action aimed at certain material goods (property, work, services), as a result of which the creditor's property interest is satisfied. The author of the article offers an original solution to the most key problems associated with understanding the essence of the object of the obligation.

KEYWORDS

object of obligation, negative obligation, refraining from action, property interest, non-property interest, material benefit

FOR CITATION

Solomin S.K. On the nature of the action constituting the object of a civil law obligation. *Akademicheskii yuridicheskii journal = Academic Law Journal*. 2025;26(3):464–475. (In Russian). DOI: 10.17150/1819-0928.2025.26(3).464–475. EDN: GNECXB.

Введение

Целью обязательства выступает либо имущественное обогащение кредитора (в регулятивной сфере), либо восстановление его имущественного положения (в охранительной сфере). Достижение этой цели предполагает активное поведение должника, направленное на те или иные материальные блага (имущество, работы, услуги). Отсюда следует, что, во-первых, объект обязательства не может быть сведен к какому-либо пассивному действию должника (воздержанию от совершения активного действия), и, во-вторых, направленность совершения этого активного действия не может быть связана с удовлетворением неимущественного интереса кредитора.

К сожалению, в современной цивилистике обозначенные принципиальные особенности обязательства игнорируются; оно изучается без учета существа тех отношений, которые предопределили формирование соответствующего понятия. Порой к обязательству примеряются лекала, чуждые его природе, а некоторые из них даже получили закрепление в нормах позитивного права. Так, в Гражданском кодексе РФ¹ (далее – ГК РФ) все основательнее закрепляется идея о возможности сведения объекта обязательства лишь к воздержанию от определенного действия. Указание на такого рода «пассивное» действие содержится в пункте 1 статьи 307 ГК РФ, положениях об альтернативном обязательстве (пункт 1 статьи 308.1, пункт 1 статьи 320 ГК РФ) и в положениях об обязанности должника возместить убытки (пункт 6 статьи 393 ГК РФ). При этом, согласно пункту 6 статьи 393 ГК РФ, обязательство по воздержанию от совершения определенного действия именуется «негативным обязательством».

Вместе с тем в отечественной доктрине неоднократно отмечалось, что конструкция «*воздержание от определенного действия*» не имеет права на существование в отрыве от совершения активного действия. В частности, О.С. Иоффе по этому поводу писал следующее: «В реальной жизни не существует обязательств, обращенных лишь к пассивному поведению должника. Должник всегда обязывается либо только к активным действиям, либо также к воздержанию от определенных действий, но непременно сопутствующих активной деятельности должника, а не заменяющих ее» [1, с. 8]. Иначе говоря, обязанность воздержаться от определенного действия не может составлять автономной обязанности должника, поскольку в противном случае теряется смысл восприятия обязательства как отношения динамики. Очевидно, что обязанность воздерживаться от какого-либо действия может составлять лишь одно из обязываний (долженствований), составляющих содержание субъективной обязанности должника (например, в содержание обязанности хранителя оказать услугу по хранению вещи, помимо активных действий по обеспечению сохранности вещи и возврату ее поклажедателю, включается также его обязанность воздерживаться от пользования вещью).

Но почему в таком случае в нормах позитивного права получила закрепление правовая конструкция «*негативное обязательство*»? Неужели законодатель не обратил внимание на противоречивость этой правовой конструкции, прежде всего с позиции применения к негативному обязательству общих положений об исполнении обязательств. Да и со сторонниками существования негативных обязательств спорить сложно, ведь их основным доводом выступает ссылка на нормы позитивного права, которые допускают возможность возникновения таких обязательств. Вместе с тем ни положения пункта 1 статьи 308.1

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

ГК РФ (а равно и пункт 1 статьи 320 ГК РФ), ни положения пункта 6 статьи 393 ГК РФ не получили какого-либо развития в рамках положений о том или ином договоре, а сама норма пункта 1 статьи 307 ГК РФ, допускающая включение в объект обязательства «воздержание от определенного действия», вовсе не предreshает вопроса о существовании негативных обязательств.

Основная часть

В качестве примеров негативного (отрицательного) обязательства, как правило, предлагают рассматривать следующие: (1) обязательство, выражающееся в воздержании от отчуждения своего имущества третьим лицам без согласия кредитора; (2) обязательство, выражающееся в воздержании от уступки обязательственного права без согласия должника; (3) обязательство автора, подписавшего издательский договор, не передавать рукопись своего произведения другому издательству для размножения и опубликования; (4) обязательство, возникающее из соглашения кредиторов одного должника, выражающееся в обязанности кредиторов не предпринимать действий, направленных на досрочное истребование причитающихся им долгов с общего должника; (5) обязательство, возникающее из корпоративного договора участников общества и связанное с возложением обязанности не голосовать за ликвидацию или реорганизацию общества на общих собраниях участников, например, в первые два года существования общества; (6) обязательство, выражающееся в воздержании от разглашения конфиденциальной информации; (7) обязательство, возникающее из соглашения о воздержании от конкуренции; (8) обязательство, возникшее из соглашения между участником судебного спора и известной адвокатской фирмой, по которому последняя за вознаграждение обязуется не защищать в суде другую сторону; (9) обязательство, возникающее из соглашения между соседями и выражающееся в том, что один из них за плату будет воздерживаться от осуществления формально не противоречащих закону шумных мероприятий на своем участке в установленные часы.

Сразу отметим, что в большинстве из приведенных примеров использование термина «обязательство» вообще не имеет под собой никакого основания. Подведение подобных примеров под правовую конструкцию «обязательство» — грубейшая ошибка в квалификации соответствующих правоотношений.

Три приведенных примера вообще не имеют отношения к воздержанию. В первом из них речь

идет об ограничении права должника распоряжаться своим имуществом, реализация которого поставлена в зависимость от получения согласия кредитора. Такого рода ограничения устанавливаются договорным условием с целью обеспечения исполнения какого-либо возникшего из этого договора обязательства, что возможно в силу пункта 1 статьи 329 ГК РФ. Данное ограничение в контексте совершения должником сделки по распоряжению своим имуществом выступает ничем иным как условием совершения сделки, т.е. сделки, для совершения которой требуется согласие третьего лица в силу достигнутого соглашения между отчуждателем (должником) и третьим лицом (кредитором).

Во втором примере речь идет об ограничении уступки требования, основанного на договоре, когда для совершения сделки цессии требуется согласие должника (пункт 2 статьи 382 ГК РФ). Иначе говоря, в этом примере согласие должника выступает условием совершения сделки цессии.

В третьем примере, если издательский договор заключается без предоставления права использования произведения (т.е. в качестве договора подряда), возложение обязанности на автора не передавать рукопись своего произведения другому издательству для размножения и опубликования будет выступать в качестве условия исполнения данного договора. Если же заключается издательский лицензионный договор, то воздержание автора от предоставления рукописи другому издательству будет связано не с возложением на него соответствующей обязанности, а с тем, что данное ограничение действия автора обусловлено установленными договором пределами использования данного произведения издательством.

Четвертый и пятый примеры — это классические примеры обязанностей, которые могут составлять содержание организационных правоотношений. И если в четвертом примере речь идет об организационном правоотношении, возникающим из соглашения кредиторов о порядке удовлетворения их требований к должнику (статья 309.1 ГК РФ), то в пятом примере речь идет об организационном правоотношении, возникающим из корпоративного договора (статья 67.2 ГК РФ). Что общего у этих примеров? И в том, и в другом речь идет об организационном правоотношении, содержание которого составляют взаимные права и обязанности его сторон. Что общего между организационным правоотношением и обязательством? И то, и другое является относительным правоотношением. Однако в ор-

ганизационном правоотношении его участники, которые одновременно по отношению друг к другу выступают и в качестве управомоченной, и в качестве обязанной стороны, никогда не будут называться кредитором и должником: и соглашение кредиторов о порядке удовлетворения их требований к должнику, и корпоративный договор — это договоры, направленные на регламентацию порядка совершения определенных действий, т.е. направленные на организацию взаимодействия их участников, не затрагивающие вопросы имущественного обогащения одной стороны за счет другой.

Шестой пример, касающийся обязанности воздержания от разглашения конфиденциальной информации, которая якобы может составлять содержание гражданско-правового обязательства, демонстрирует непонимание сторонниками существования негативного (отрицательного) обязательства сущности тех правоотношений, которые связаны с обеспечением конфиденциальности определенной информации. Важно понимать, что обязанность не разглашать определенную информацию возникает не в силу достигнутого соглашения, а в силу закона лишь по той причине, что таковая относится к разряду конфиденциальной информации. И если стороны правоотношения решили облечь обязанность неразглашения конфиденциальной информации в договорное условие, то от этого данная обязанность не становится договорной (стороны лишь продублировали то, что уже обеспечено законом). Но в любом случае в этой ситуации об обязательстве речи не идет. Обязанность неразглашения определенной информации характеризует правовой статус сторон соответствующего правоотношения (участников корпорации, заказчика по договору подряда на выполнение проектных и изыскательских работ, банка как стороны договора банковского счета, страховщика по договорам имущественного и личного страхования и т.д.). Вместе с тем в отношении отдельных случаев обеспечения конфиденциальности информации стороны соответствующего правоотношения могут определить порядок использования такой информации. Однако и в этом случае никаких обязательств не возникает, поскольку речь идет об организационном правоотношении.

Седьмой пример следует рассматривать с учетом требований антимонопольного законодательства. Поэтому не представляется возможным существование самостоятельного соглашения, в рамках которого конкурирующие субъекты предпринимательской деятельности разграничи-

ли бы территории своего влияния. Вместе с тем закон предоставляет таким субъектам право согласовать условия о «воздержании от конкуренции», но лишь в качестве дополнительного условия к основным условиям договора, специфика которого допускает включение в него подобных дополнительных условий. Назначение таких условий одно: они носят исключительно организационный характер, а исполнение соответствующих обязанностей позволяет достичь цель заключенного договора, не затрагивая при этом динамики основных правоотношений, возникающих из договора. Например, особенности агентского договора, связанные с характером оказываемой агентом посреднической услуги, допускают возможность возложения: (1) на принципала обязанностей не заключать аналогичных агентских договоров с другими агентами, действующими на определенной в договоре территории; воздерживаться от осуществления на этой территории самостоятельной деятельности, аналогичной деятельности, составляющей предмет агентского договора (пункт 1 статьи 1007 ГК РФ); (2) на агента обязанности не заключать с другими принципалами аналогичных агентских договоров, которые должны исполняться на территории, полностью или частично совпадающей с территорией, указанной в договоре (пункт 2 статьи 1007 ГК РФ). При этом если исполнение организационных обязанностей, возложенных на принципала, определяет условия реализации обязательства по оказанию агентом посреднической услуги (совершение юридических и иных действий), что позволяет минимизировать риски неисполнения или ненадлежащего исполнения этого обязательства, то исполнение организационной обязанности агентом гарантирует принципалу уверенность в том, что такой агент будет действовать исключительно в его интересах. Последствия неисполнения указанных организационных обязанностей одной из сторон сводятся к тому, что другая сторона вправе приостановить исполнение договора, полностью отказаться от его исполнения, а также требовать возмещения убытков.

Другим ярким примером обязанности «воздержания от конкуренции» выступают обязанности организационного характера, возникающие из договора коммерческой концессии. Так, исходя из собственных интересов, правообладатель может быть заинтересован в ограничении масштаба деятельности пользователя. Это означает, что право использования комплекса исключительных прав может быть ограничено договором коммерческой концессии посредством

установления определенного объема использования этого комплекса на конкретной территории применительно к определенной сфере предпринимательской деятельности. В частности, на пользователя могут быть возложены обязанности: продавать товары, выполнять работы или оказывать услуги исключительно в пределах определенной территории по установленным правообладателем ценам; не конкурировать с правообладателем на территории, на которую распространяется действие договора коммерческой концессии; согласовывать с правообладателем место расположения коммерческих помещений, их внешнее и внутренне оформление (пункт 1 статьи 1033 ГК РФ). Исполнение указанных обязанностей создает условия для достижения цели договора коммерческой концессии, удовлетворения интереса правообладателя. Данные обязанности не составляют содержание каких-либо обязательств, возникающих из договора (они носят исключительно организационный характер), но их неисполнение в итоге может привести к расторжению договора и предъявлению требования о возмещении убытков. Таким же характером обладают и те обязанности, исполнение которых ограничивает возможности правообладателя на вступление в аналогичные договорные отношения с иными субъектами. На правообладателя могут быть возложены обязанности: не предоставлять другим лицам комплекс исключительных прав, аналогичный тому, который уже предоставлен по договору коммерческой концессии для использования его на конкретной территории; воздерживаться от собственной деятельности на территории, закрепленной за пользователем. В свою очередь, пользователь может быть обременен обязанностями: не заключать аналогичных договоров коммерческой концессии с конкурентами (потенциальными конкурентами) правообладателя; не осуществлять реализацию аналогичных товаров, выполнение аналогичных работ, оказание аналогичных услуг с использованием товарных знаков (знаков обслуживания) или коммерческих обозначений других правообладателей.

Что касается *восьмого и девятого примеров*, то они действительно связаны с исполнением конкретного обязательства. Однако эти обязательства не имеют своим объектом воздержание от определенного действия. Для начала дадим оценку поведению обязанного лица с точки зрения того, какие действия он совершает, и какой интерес кредитора удовлетворяется в результате совершения этих действий. В ситуации с «из-

вестной адвокатской фирмой» (восьмой пример) интерес кредитора (участника судебного спора) будет удовлетворен, если эта адвокатская фирма ответит отказом на предложение другого участника спора оказать ему представительские услуги. В этой ситуации речь вообще не идет о том, что адвокатская фирма воздерживается от совершения каких-либо действий. Напротив, она обязуется совершить конкретное юридико-формальное действие — отказать другому участнику спора в заключении представительского договора, если тот обратится к ней с соответствующим предложением. Понятно, что другой участник спора в принципе может и не обратиться с подобным предложением, но результат исполнения обязательства налицо. При этом такой результат не обладает овеществленной формой, однако имеет реальную стоимость, согласованную сторонами (вознаграждение адвокатской фирмы). Таким образом, перед нами один из частных случаев оказания услуг в форме осуществления определенной деятельности, а именно: ожидание возможного предложения со стороны другого участника спора заключить представительский договор с тем, чтобы отказать ему в заключении этого договора. Заметим, что данный пример не является чем-то экстраординарным. В гражданском праве встречаются обязательства по оказанию услуг, динамика которых (если следовать логике тех, кто допускает существование «негативных обязательств») сводится к бездействию должника. Например, обязательство по оказанию услуг имущественного страхования: страхователь надеется на то, что страховой случай никогда не наступит, а потому может показаться, что встречное предоставление (страховая премия) осуществляется за бездействие страховщика. Однако это не так. Услуги по страхованию связаны с тем, что страховщик за плату принимает на себя конкретный имущественный риск страхователя.

В ситуации же, когда один из соседей в силу достигнутого возмездного соглашения между ним и другим соседом берет на себя обязанность воздерживаться от осуществления формально не противоречащих закону шумных мероприятий на своем участке в установленные часы (девятый пример), интерес кредитора будет удовлетворен, если в установленные часы сосед обеспечит тишину со своей стороны. В подобной ситуации вновь имеет место деятельность, результат которой лишен овеществленной формы. Таким результатом выступает тишина, которая и составляет выгоду, обладающую конкретной (согласованной сторонами) стоимостью.

Итак, в обоих примерах речь идет об обязанности по оказанию услуг.

Вообще утверждать, что в отечественной цивилистике (в разрезе двух последних столетий) сложилось хоть какое-то научно обоснованное представление об отрицательных (негативных) обязательствах, не приходится. Если обратиться к работам дореволюционного периода, то можно заметить, что их авторы в большинстве своем уклоняются от объяснения своей позиции относительно отрицательных обязательств [2, с. 18; 3, с. 396; 4, с. 316; 5, с. 222]. Лишь изредка встречаются работы, в которых предпринимаются попытки найти место данным обязательствам в системе гражданских правоотношений. Например, об отрицательном действии (т.е. действии, состоящим в воздержании от какого-либо положительного действия) как возможном объекте обязательства говорил Д.И. Мейер [6, с. 412]. Используя формулу «я хочу» и «я не хочу», он выделил признак отрицательного действия: лицо не совершает действия, которое ему следовало совершить. В данном случае правовед вел речь о проявлении сформировавшейся воли вовне, которое не связано с совершением положительного действия: долженствование, которое должно было быть выполненным, остается невыполненным. Таким образом, Д.И. Мейер говорил о существовании отрицательного действия исключительно в контексте неисполнения обязанности: «Всякому праву соответствует обязательство, неисполнение которого составляет отрицательное действие и влечет за собой целый ряд различных юридических последствий» [6, с. 135]. В этой связи он придавал особую важность отрицательным действиям лишь в области права [6] и лишь применительно к тем вопросам, которые связаны с неисправностью должника. Например, в качестве основания начисления неустойки называлось воздержание должника, которое «составляет неисправность, представляет собой нарушение договора» [6, с. 478]. Учитывая изложенное, можно констатировать, что отрицательное действие Д.И. Мейер воспринимал исключительно в качестве нарушения обязательства (в случае неисправности должника), что, на наш взгляд, в принципе исключает возможность отнесения такого действия к объекту обязательства. В противном случае пришлось бы согласиться с тем, что Д.И. Мейер допускал ситуацию, при которой стороны договора могли бы согласовать такое его условие, в силу которого одна из них берет на себя обязанность нарушить обязательство. Однако в его работе «Русское гражданское право» ничего

подобного не встречается. Учитывая изложенное, остается до конца неясной позиция Д.И. Мейера относительно отрицательного обязательства.

Вообще, работы дореволюционного периода в большинстве своем носили догматический характер. А, как известно, в то время в качестве догматического положения выступало нормативное установление, отождествляющее понятия «договор» и «обязательство». В таких условиях правоведам оставалось только одно: если они допускали, что соответствующие отношения могут быть облечены в договор, значит правоотношения, возникающие из такого договора, могут быть только обязательственными. С тем, чтобы хоть как-то сгладить очевидные изъяны тех примеров *бездействия*, которые правоведы приводили в качестве отрицательных обязательств, им приходилось усматривать в воздержании от действия свойства волевого акта. Г.Ф. Шершеневич по этому поводу писал: «Подведение под понятие «действие» воздержания не составляет противоречия; воздержание не есть бездействие, — это не отсутствие воли, направленной на определенный результат, а, напротив, наличность такой воли» [3, с. 396]. Однако при таком подходе растворялась сама суть обязательства как долга (обязанности, исполнение которой сводится к действию должника, направленному на то или иное материальное благо).

Со сменой экономической формации в 1917 году и первой кодификацией советского гражданского законодательства (Гражданский кодекс РСФСР 1922 года² (далее — ГК РСФСР 1922 года) меняется риторика обоснования существования отрицательных обязательств. Специфика таких обязательств уводится в плоскость разрешения другого вопроса — о соотношении имущественного характера обязательства и имущественного (денежного) интереса в обязательстве. Например, так поступил М.М. Агарков. При этом в своих воззрениях он достаточно далеко ушел от сложившихся на тот момент в цивилистике представлений об имущественных отношениях (составляющих предмет гражданско-правового регулирования), что позволяет с большой долей условности учитывать отдельные результаты его изысканий на современном этапе развития цивилистической науки. В частности, М.М. Агарков писал: «Для советского права, как права социалистического, вопрос об имущественных отноше-

² О введении в действие Гражданского кодекса РСФСР : утв. Постановлением ВЦИК от 31 окт. .1922 г. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=10512> (дата обращения: 30.03.2025).

ниях не может быть сведен к вопросу о денежной оценке» [7, с. 38]. Этот постулат был положен им в основу характеристики гражданско-правового обязательства. Он утверждал, что любое обязательство должно иметь имущественный характер (т.е. быть связанным с внешними для человека предметами, которые являются средством для достижения его целей); обязательства, не обладающие таким характером, выпадают из сферы гражданско-правового регулирования; к обязательствам, носящим имущественный характер, могут относиться как те, которые представляют денежный интерес для кредитора, так и те, которые такого интереса не представляют [7, с. 39–41]³. Поэтому из всех обязательств, содержанием которых выступает воздержание от совершения тех или иных действий, в сфере гражданского права М.М. Агарков оставил лишь те, которые носят имущественный характер, т.е. обязательства, в рамках которых «воздержание от действия направлено на большую эффективность, большее удобство использования какой-либо вещи либо на создание возможности пользования вещью» при условии, что такое воздержание обусловлено каким-либо встречным предоставлением, например, «наниматель жилплощади договаривается с наймодателем, личным собственником, что наймодатель после пяти часов вечера не будет заниматься музыкой» [Там же, с. 41], за что сам наниматель готов совершить встречное предоставление (оплатить воздержание) [Там же, с. 36]. Все остальные случаи воздержания, не предполагающие встречного предоставления, по мнению М.М. Агаркова, выступают примерами совершения действия неимущественного характера, а значит, выпадают из-под действия норм гражданского права [7, с. 41]⁴.

Весьма емко к определению объекта отрицательного обязательства подошел И.Б. Новицкий. Он не стал ограничиваться лишь воздержанием от определенного действия, указав, что содержание отрицательного обязательства, помимо «от чего-

либо воздержаться», может сводиться к «чему-либо не делать», «что-либо терпеть», «что-либо допускать» и «т.п.» [8, с. 55]. Правда, он никак не пояснил обозначенный им подход к определению объекта отрицательного обязательства. Более того, впоследствии (в работе «Общее учение об обязательстве») И.Б. Новицкий если и вспоминал об отрицательной обязанности, то лишь в контексте воздержания от какого-либо действия имущественного характера [8, с. 56].

А вот что касается обязательства *неимущественного характера*, то он, как и М.М. Агарков, качество такого обязательства усмотрел, в частности, в ситуации безвозмездного оказания услуг. Более того, И.Б. Новицкий (в отличие от М.М. Агаркова) в принципе допустил, что обязательства в гражданском праве могут иметь не только имущественный, но и неимущественный характер, аргументировав это следующим образом: «...ни ст. 107 ГК, ни какая-либо другая советская норма не ограничивают содержание обязательства признаком имущественного характера этого содержания» [8, с. 58]⁵. В итоге он заключил: «Содержанием обязательства может быть право требовать совершения всякого вообще правомерного, имеющего серьезный характер, нуждающегося в защите и заслуживающего защиты действия лица (положительного или отрицательного)» [Там же, с. 59]. При этом такие обязательства могут быть направлены как на удовлетворение имущественного, так и на удовлетворение и защиту неимущественного интереса [8, с. 57].

Примерно об этом же писал И.А. Покровский: «Обязательство <...> не исчерпывается простым отношением к имуществу. <...> его общей целью является установление некоторой специальной обязанности одного из них в пользу другого, некоторого специального поведения должника в интересах кредитора» [9, с. 234].

Аналогичное мнение транслировал и Е.В. Пассек, отмечавший: «Предметом обязательства могут быть, однако, не только такие действия должника, которые имеют непосредственной целью перенесение известного материального объекта в более или менее полное обладание кредитора, а вообще всякие действия должника раз они объективно возможны и не противоречат предписаниям права» [10].

⁵ Непонятно, почему И.Б. Новицкий именно таким образом подошел к оценке ст. 107 ГК РСФСР 1922 г. Однако именно из содержания этой нормы нетрудно установить имущественный характер совершаемых должником действий. К таковому закон прежде всего отнес передачу вещей и уплату денег.

³ К обязательствам, носящим имущественный характер в отсутствие денежного интереса кредитора, М.М. Агарков отнес, в частности, «обязательство передать вещь, предназначенную служить для удовлетворения одних только культурных потребностей» [7, с. 41].

⁴ Следует обратить внимание на весьма своеобразный подход М.М. Агаркова к пониманию обязательства, которое носит неимущественный характер, а соответственно, выпадающим из сферы гражданско-правового регулирования. К таковым он отнес, в частности, обязательства по оказанию услуг, когда они оказываются на безвозмездной основе. Этот подход не получил широкого признания в цивилистике. Такую судьбу своего суждения предвидел и сам М.М. Агарков, написавший: «Этот тезис может показаться смелым. Однако нам кажется, что за него говорят серьезные соображения» [7, с. 39].

Для того чтобы подход, допускающий существование обязательств неимущественного характера (даже в той интерпретации, которую предложили М.М. Агарков и И.Б. Новицкий), исследовать на предмет его достоверности, необходимо указать причины, по которым объект обязательства был выведен далеко за пределы действий должника, направленных на те или иные материальные блага. *Одной из таких причин* выступает то многообразие действий в гражданском праве, которые могут составлять объект относительных правоотношений. Некоторые из таких действий (связанные с передачей имущества, уплатой денег, выполнением работ, оказанием услуг) легко вписываются в конструкцию гражданско-правового обязательства, суть которого долг (обязанность совершить активное действие, направленное на то или иное материальное благо). Другие действия, не имея своим предметом таких материальных благ (например, осуществление совместной деятельности, заключение основного договора во исполнение предварительного договора), выпадают из возможного объекта обязательства. Однако ни дореволюционной, ни советской цивилистической доктрине первой половины XX столетия не было известно о других относительных правоотношениях, кроме обязательственных, поэтому правоведам указанного периода не оставалось ничего, кроме как наделить обязательство чуждыми ему признаками, включая признак неимущественного характера. И только признание существования организационных правоотношений в гражданском праве и последующая теоретическая разработка этой правовой конструкции в отечественной цивилистике позволили выстроить достоверную модель восприятия любого действия с точки зрения возможного объекта относительного правоотношения, прежде всего договорного происхождения. Так, в зависимости от правоотношения, отвечающего за квалификацию договора, выделяются обязательственные и организационные договоры, объединяющим фактором которых выступает то, что в основе заключения любого гражданско-правового договора лежит имущественный интерес его сторон (который находит выражение в общей цели договора), а соответственно, результат исполненного договора всегда имеет какое-либо имущественное последствие (в форме имущественной выгоды, т.е. выгоды, подлежащей стоимостной оценке) [11, с. 73].

Другая причина связана с многообразием субъективных прав и обязанностей, которыми наделяются стороны обязательства и далеко не

все из которых могут составлять содержание обязательств. Речь, в частности, идет о правах и обязанностях, характеризующих правовой статус сторон обязательства (так называемые статусные права и обязанности) и прежде всего тех, которые возникают из договоров. Набор таких прав и обязанностей весьма разнообразен и зависит от типа (вида) договора. Эти субъективные (статусные) права и обязанности существуют автономно (им не корреспондируют ни обязанности, ни права) и всегда носят организационный характер. При этом если реализация статусных прав связана с охраной какого-либо законного интереса стороны договора, то исполнение статусной обязанности воспринимается исключительно в контексте соблюдения стандартов добросовестного поведения⁶. К сожалению, не все правоведы понимали характер обозначенных прав и обязанностей.

Так, М.М. Агарков крайне противоречиво определил существо тех прав и обязанностей, которые мы называем «статусными». Отталкиваясь от установки о том, что в реальной жизни обязательства с простой структурой (т.е. когда праву требования кредитора соответствует обязанность должника совершить или воздержаться от определенного действия) встречаются редко, он попытался выделить элементы, усложняющие эту структуру. Одним из таких элементов М.М. Агарков назвал «обязанность кредитора принять правильно предложенное должником исполнение, а также совершить другие необходимые действия для того, чтобы должник мог исполнить свое обязательство» [7, с. 62]. Применительно к обязательству по передаче товара М.М. Агарков говорил об обязанности, возлагаемой на покупателя, принять от продавца купленное им имущество. Прибегнув к толкованию норм позитивного права о просрочке кредитора (статьи 114 и 122 ГК РСФСР 1922 года)⁷, М.М. Агарков пришел к выводу: раз закон принятие исполнения называет обязанностью кредитора, значит такая

⁶ Например, по договору подряда на стадии исполнения обязательства по выполнению работ заказчик во всякое время имеет право проверять ход и качество таких работ. Наличие статусное право, реализацией которого заказчик охраняет принадлежащий ему законный интерес — уверенность в том, что обязательство исполняется надлежащим образом. Вместе с тем заказчик должен соблюдать стандарты добросовестного поведения, выражающиеся в исполнении соответствующих статусных обязанностей: не вмешиваться в деятельность подрядчика, оказывать подрядчику содействие в выполнении работ.

⁷ Содержание указанных нормы весьма схоже с положениями ст. 406 ГК РФ. Поэтому говорить о том, что выводы М.М. Агаркова основаны на иных представлениях о просрочке кредитора, отличных от современного состояния цивилистической доктрины, не приходится.

обязанность, наряду с правом должника требовать принятия исполнения, должна составить содержание вспомогательного обязательства (обязательства по принятию исполнения), которое является таковым (вспомогательным) по отношению к основному обязательству должника (например, обязательству по передаче имущества). Причина, по которой М.М. Агарков обязательство по принятию исполнения обязательства назвал вспомогательным, заключается в том, что таковое, по его мнению, не обладает самостоятельной целью; его цель соответствует цели основного обязательства — исполнение должником его основной обязанности [7, с. 64, 67]. Однако именно обозначенная им «причина» должна была указать на недостоверность выбранного им решения относительно определения существа обязанности кредитора принять предложенное должником исполнение. Согласиться с выводами М.М. Агаркова — значит признать, что в гражданском праве существуют безобъектные обязательства под названием «вспомогательные обязательства». Между тем обязанность принять товар (в отсутствие действия продавца по передаче товара) нельзя исполнить, поскольку покупатель до момента передачи ему товара еще не обладает имуществом, а после такого момента бессмысленно говорить о какой-либо обязанности принятия товара, поскольку товар уже находится в его обладании. Кроме того, наличие вспомогательного обязательства создает ситуацию, при которой один и тот же субъект одновременно выступает и кредитором, и должником по отношению к одному и тому же предмету исполнения: покупатель, имея право требовать передачи товара (как кредитор), одновременно обязан принять его (как должник); а продавец, неся обязанность передать товар (как должник), одновременно имеет право требовать его принятия (как кредитор). Чтобы до конца осознать несостоятельность предложенного М.М. Агарковым подхода, достаточно задаться вопросом, а можно ли исполнить обязательство по принятию товара, не исполнив обязательство по передаче товара? Очевидно, что нет. Между тем исполнение обязательства по передаче товара всегда погашает обязательство по его принятию. Абсолютная зависимость динамики обязательства по принятию товара от динамики обязательства по передаче товара говорит о том, что первого не существует.

Квинтэссенцией изложенного выступает мысль о том, что действия, которым в разные периоды развития отечественной цивилистики придавали значение объекта гражданско-право-

вого обязательства (либо через необъятный формат поведения под условным названием «воздержание от действия», либо через далеко не ясный формат действий неимущественного характера), действительно подлежат правовой оценке. Только оценка эта не всегда связана с наличием гражданско-правового обязательства, а в случаях, когда хотя и связана с последним, то уж точно не в той интерпретации, которую предлагали на страницах юридической литературы. Как писал Д.И. Мейер, «действие, как предмет обязательства, должно быть таково, чтобы его можно было свести к имущественным отношениям; другими словами, действие должно подлежать оценке на деньги» [6, с. 411].

Заключение

Важно понимать, что обязательство можно воспринимать лишь через призму долга, который всегда связан с действием, направленным на те или иные материальные блага (имущество, работы, услуги), в результате совершения которого удовлетворяется имущественный интерес кредитора. Именно наличие имущественного интереса кредитора в сочетании с характером подлежащего совершению действия (как объекта обязательства) определяет и те способы защиты нарушенного права (права требовать исполнения должником обязанности), которые всегда носят имущественный характер. Очевидно, например, что приобретение коллекционного автомобиля преследует удовлетворение в том числе имущественного интереса (возможность созерцать в своем автопарке один из самых редких автомобилей, наслаждаться ездой на этом автомобиле). Однако для гражданского права этот интерес безразличен лишь потому, что нормами права нельзя ни прямо, ни косвенно описать ни само поведение обязанного лица, которое непременно должно удовлетворить имущественный интерес кредитора, ни последствия его совершения, а равно несовершения. Согласимся с тем, что и имущественный интерес не подлежит правовой регламентации. Можно лишь гипотетически исходить из того, что любое действие, связанное с передачей вещей, выполнением работ или оказанием услуг, приводит к его удовлетворению. Но этой связи (в отличие от связи имущественного интереса с совершаемым должником действием) есть доктринальное объяснение: в основе формирования воли, связанной, например, с приобретением коллекционного автомобиля у конкретного лица за определенную цену, лежит имущественный интерес (желание приобрести

такой автомобиль); с фактом изъявления этой воли вовне (предложением заключить договор), откликом на нее (принятием этого предложения) и вхождением сторон в последнюю стадию заключения договора — перфекцию (достижение соглашения сторон), возможность удовлетворения этого интереса приобретает осязаемые очертания в форме заключенного договора; последний порождает соответствующие обязательства (обязательство по передаче автомобиля и обязательство по его оплате), с исполнением которых удовлетворяется имущественный интерес не только покупателя (в приобретении коллекционного автомобиля), но и имущественный интерес продавца (в получении соответствующей платы). При неисполнении обязательства по передаче автомобиля и предъявлении требования кредитора, например, о возмещении убытков, последние будут определяться по формуле «реальный ущерб + упущенная выгода». Иначе говоря, в основе заявленного требования лежит все тот же имущественный интерес, но теперь он связан с желанием кредитора восстановить свое имущественное положение. Если бы закон учитывал имущественный интерес кредитора, который оказался бы задетым вследствие неисполнения обязательства, то размер имущественного возмещения определялся бы не по правилам об убытках, а по правилам компенсации причинения имущественного вреда, а само нарушение обязательства рассматривалось бы через призму посягательства на нематериальное благо. Однако мы даже не призываем к поиску такого нематериального блага, поскольку подобная модель защиты прав кредитора при нарушении обязательств нежизнеспособна.

Правда, в отечественной доктрине встречаются исследования, авторы которых признают существование обязательств с немущественным интересом. Например, И.А. Покровский обязательства, направленные на удовлетворение немущественного интереса, рассматривал в контексте обязательств немущественного характера. Ставя вопрос о признании юридической силы за обязательством на действие немущественного характера, он говорил о возможности защиты кредитора в рамках данного обязательства от нарушения принадлежащего ему немущественного интереса [9, с. 116–117], который представляет собой духовный интерес, имеющий общее значение в определенной среде [Там же, с. 118]. Однако иллюстрируемый им пример не имеет ничего общего с тем, что можно было бы назвать нарушением обязательства, за-

трагивающим немущественный интерес кредитора. И.А. Покровский пишет: «Договор о том, чтобы сосед не играл по ночам на рояле, может рассчитывать с этой точки зрения на свое признание перед судом, так как духовное благо ночного спокойствия есть в настоящее время уже объективное, общепризнанное благо» [9, с. 118]. В этом примере перемешалось все: и общие правила общежития (которые предполагают в том числе и воздержание от шумных мероприятий в ночное время суток), и правовая охрана духовных (нематериальных) благ от любого посягательства на них. Но в любом случае все это не имеет никакого отношения к возможному объекту обязательства, а равно к тому интересу, который должен быть удовлетворен в результате исполнения обязательства.

В отличие от И.А. Покровского, Е.В. Пассек в своих рассуждениях об обязательствах, направленных на удовлетворение немущественного интереса, вообще не оперировал понятием «немущественное обязательство». Вместе с тем им проводилась непосредственная связь между удовлетворением немущественного интереса и отсутствием материального результата исполнения обязательства: «Действие, составляющее предмет обязательства, обладает имущественной ценностью в том случае, если конечным результатом его совершения должником будет поступление в имущество кредитора или другого лица какого-нибудь материального объекта; в противном случае действие это или представляет для кредитора интерес немущественный, или не представляет вовсе никакого интереса» [10]. Сами же действия, направленные на удовлетворение немущественного интереса, Е.В. Пассек описывал как действия, которые «не стоят ни в каком отношении к имуществу, не способны ни увеличить его при надлежащем исполнении, ни уменьшить при неисполнении обязательства» [Там же]. О чем ведет речь Е.В. Пассек, становится понятным тогда, когда он приводит примеры, иллюстрирующие его подход. Большая их часть касается договоров: договора с домашним врачом, предусматривающего его обязанность следить за здоровьем членов известной семьи; договора с преподавателем, берущим на себя заботу об образовании; договора с поверенным, осуществляющим защиту в уголовном процессе; договора с домашней прислугой, принимающей на себя обязанности, исполнение которых освобождает другую сторону от траты времени и от различных неудобств, но не имеющих прямого отношения к имущественным выгодам и ущербу [10].

Данные примеры, скорее всего, отражают позицию Е.В. Пассека относительно научной дискуссии вокруг понятия «личный наём», прежде всего с точки зрения объема этого понятия и существа тех действий (в том числе услуг), которые раскрывали существо личного найма в период действия Свода законов гражданских 1832 года [12, с. 213–215]. И, учитывая изложенное выше, можно с уверенностью говорить о том, что Е.В. Пассек все то, что отдельные правоведы предлагали относить к разряду действий, составляющих возможный объект обязательства личного найма, завел в конструкцию обязательства с неимущественным интересом. Для современной науки гражданского права эта дискуссия не имеет ценности, а те подходы, которые были сформированы в рамках этой дискуссии, выступают в качестве анахронизма. Сегодня те примеры, в которых Е.В. Пассек усмотрел проявление неимущественного интереса, заведены в общую модель «договоры, направленные на оказание услуг». А что касается понимания услуги в отечественном гражданском праве, то она уже давно обросла признаками материального блага (несмотря на отсутствие овеществленного результата оказанной услуги) [13, с. 339], подлежащего стоимостной оценке. Сегодня нет проблем с уяснением существа интереса кредитора, который подлежит удовлетворению в результате исполнения обязательства по оказанию услуг. Этот интерес может быть только имущественным. При

этом пользу, которую получает заказчик от оказанной услуги, как правило, можно определить лишь гипотетически через модель «выгода, которую ожидает получить любой добросовестный участник гражданского оборота при оказании аналогичной услуги» [14, с. 20].

Подводя общий итог исследованию существа гражданско-правового обязательства, отметим, что формирование в правовой надстройке обязательства обеспечено соответствующими отношениями экономического базиса. Данные отношения являются исключительно имущественными [15, с. 39, 105], поскольку все они связаны с действием закона стоимости [16, с. 5]. Попадая в сферу правового регулирования, такие отношения отражают единство правовой надстройки и экономического базиса, их связь и взаимодействие: «Ценность гражданского имущественного правоотношения как определенного научного понятия и состоит в том, что оно позволяет выделить то звено в цепи всеобщей связи и взаимодействия, в котором непосредственно соприкасаются элементы надстроечного и базисного характера» [Там же, с. 94]. Когда мы говорим об обязательном правоотношении, всегда предполагается правоотношение имущественное, в котором имущественный интерес уполномоченного лица «может быть удовлетворен только за счет определенных действий обязанного лица по предоставлению управомоченному лицу соответствующих материальных благ» [16, с. 102].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Иоффе О.С. Обязательственное право / О.С. Иоффе. — Москва : Юрид. лит., 1975. — 880 с.
2. Победоносцев К.П. Курс гражданского права / К.П. Победоносцев. — Санкт-Петербург : тип. 2 Отд. Собств. е. и. в. Канцелярии, 1880. — Ч. 3: Договоры и обязательства. — 629 с.
3. Шершеневич Г.Ф. Избранное / Г.Ф. Шершеневич. — Москва : Статут, 2017. — Т. 5: Учебник русского гражданского права. — 832 с.
4. Гуляев А.М. Русское гражданское право : обзор действующего законодательства, кассационной практики Прав. сената и Проекта гражданского уложения : пособие к лекциям / А.М. Гуляев. — 4-е изд., пересмотр. и доп. — Санкт-Петербург : Тип. М.М. Стасюлевича, 1913. — 638 с.
5. Тютрюмов И.М. Гражданское право / И.М. Тютрюмов. — Юрьев : Тип. К. Маттисена, 1922. — 543 с.
6. Мейер Д.И. Русское гражданское право / Д.И. Мейер ; под ред. А.И. Вицына. — 3-е изд., испр.. — Санкт-Петербург : Изд. Н. Тиблена, 1864. — 780 с.
7. Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву / М.М. Агарков. — Москва : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. — 192 с.
8. Новицкий И.Б. Общее учение об обязательстве / И.Б. Новицкий, Л.А. Лунц. — Москва : Гос. изд-во юрид. лит., 1950. — 417 с.
9. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права / И.А. Покровский. — Петроград : Право, 1917. — 328 с.
10. Пассек Е.В. Неимущественный интерес и непреодолимая сила в гражданском праве / Е.В. Пассек. — Москва : Статут, 2003. — 399 с. — EDN QVRBDV.
11. Соломин С.К. Систематизация гражданско-правовых договоров / С.К. Соломин, Н.Г. Соломина. — Москва : Юстицинформ, 2021. — 152 с. — EDN MQTXIK.
12. Брагинский М.И. Договорное право / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. — 2-е изд., стер. — Москва : Статут, 2011. — Кн. 3: Договоры о выполнении работ и оказании услуг — 1055 с.

13. Виниченко Ю.В. О материальных и нематериальных объектах гражданского оборота / Ю.В. Виниченко. — DOI 10.17150/1819-0928.2023.24(3).337-342. — EDN VXJDOH // Академический юридический журнал. — 2023. — Т. 24, № 3. — С. 337–342.

14. Соломина Н.Г. К вопросу о договоре условного депонирования / Н.Г. Соломина. — EDN QRHDGC // Право и экономика. — 2019. — № 10 (380). — С. 18–23.

15. Гражданское право : учебник : в 4 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. — 2-е изд. перераб. и доп. — Москва : Статут, 2019. — Т. 1. — 576 с.

16. Гражданское право : учебник : в 3 т. / под. ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. — Москва : Проспект, 2005. — Т. 1. — 773 с.

REFERENCES

1. Ioffe O.S. *Law of Obligations*. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1975. 880 p.
2. Pobedonostsev K.P. *Civil Law Course*. Saian Petersburg, 1880. Pt. 3. 629 p.
3. Shershenevich G.F. *Favourites*. Moscow, Statit Publ., 2017. 832 p.
4. Gulyaev A.M. *Russian Civil Law*. 4th ed. Saint Petersburg, M.M. Stasyulevich Publ., 1913. 638 p.
5. Tyutyumov I.M. *Civil Law*. Yurev, K. Mattisena Publ., 1922. 543 p.
6. Meier D.I.; Vitsyn A.I. (ed.). *Russian Civil Law*. Saint Petersburg, N. Tiblen Publ., 1864. 780 p.
7. Agarkov M.M. *Obligation under Soviet Civil Law*. Moscow, 1940. 192 p.
8. Novitskii I.B., Lunts L.A. *The General Doctrine of Obligation*. Moscow, 1950. 417 p.
9. Pokrovskii I.A. *Basic Problems of Civil Law*. Petrograd, Pravo Publ., 1917. 328 p.
10. Passek, E.V. *Non-Property Interest and Irresistible Force in Civil Law*. Moscow, Statut Publ., 2003. 699 p. EDN: QVRBDV.
11. Solomin S.K., Solomina N.G. *Systematization of Civil Law Contracts*. Moscow, Yustitsinform Publ., 2021. 152 p. EDN: MQTXIK.
12. Braginskii M.I. Vitryanskii V.V. *Contract Law*. 2nd ed. Moscow, Statut Publ., 2011. 1055 p.
13. Vinichenko Yu.V. On Tangible and Intangible Objects of Civil Circulation. *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal = Academic Law Journal*, 2023, vol. 24, no. 3, pp. 337–342. (In Russian). EDN: VXJDOH. DOI: 10.17150/1819-0928.2023.24(3).337-342.
14. Solomina N.G. On the Issue of the Escrow Agreement. *Pravo i ekonomika = Law and Economics*, 2019, no. 10, pp. 18–23. (In Russian). EDN: QRHDGC.
15. Sukhanov E.A. (ed.). *Civil Law*. 2nd ed. Moscow, Statut Publ., 2019. Vol. 1. 576 p.
16. Sergeev A.P., Tolstoi Yu.K. (eds). *Civil Law*. Moscow, Prospekt Publ., 2005. Vol. 1. 773 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сергей Константинович Соломин — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Института государства и права. Тюменский государственный университет. 625003, Тюмень, ул. Володарского, 6. SPIN-код: 5601-5910.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey K. Solomin — Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law Sciences at the Institute of State and Law. Tyumen State University. 6, Volodarsky st., Tyumen, Russia, 625003. SPIN-code: 5601-5910.

Поступила в редакцию / Received 10.07.2025

Доработана после рецензирования / Revised 14.08.2025

Принята к публикации / Accepted 12.09.2025